

# ВОСПОМИНАНИЯ

## ОТ ШАТИЛОК ДО ВЕРСАЛЯ: СКОРБНЫЙ ПУТЬ ЮНОЙ БЕЛОРУСКИ

АЛЕКСАНДР ЕВСЕЕНКО  
evseenko63@list.ru

### НАША СПРАВКА

11 апреля — Международный день освобождения узников нацистских лагерей. Именно в этот день в 1945 году узником «Бухенвальда», а это были люди разных национальностей, удалось поднять восстание и вырваться на свободу из лап гитлеровцев.

Гомельчанке Галине Виноградовой посчастливилось избежать смерти в жерновах нацистской машины по уничтожению людей, но до сих пор не без боли в сердце и слёз на глазах она вспоминает о пережитом.

### ЖЕРТВА ПРОВОКАЦИИ



Галина Виноградова.

Весной 1941 года мне исполнилось 16 лет. Наша семья тогда жила в Шатилках, нынешнем Светлогорске. Хотя родом мы с Брянщины, небольшого городка Климов. Как только поступило известие о начале войны, папу сразу же вызвали в военкомат и направили в действующую армию. Мама осталась одна с четырьмя детьми. Когда началась эвакуация, она не отважилась уезжать с малышами. В тыл отправили меня и старшую сестру Тамару. В районе Калинковичей наш эшелон с эвакуированными мирными жителями разбомбили немецкие самолёты. Столько женщин и детей погибло — ужас! Я так испугалась, что решила дальше не ехать, а вернуться домой. Тамара долго меня уговаривала, но куда там. Я ж упрямая! Так наши пути-дороги с сестрой разошлись. Я вернулась в Шатилки, а Тамара отправилась дальше на восток. Много позже я узнала, что она попала в партизанский отряд и провела в нём до освобождения Беларуси.

Говоря о времени, проведённом в оккупации, Галина Константиновна немногословна. Отчасти потому, что было это в её восприятии скорее безвременье. Жили, говорят, как все — выживали. Прятались от немецких облав, меняли по деревням вещи на продукты.

Особенно, вздыхает женщина, детишкам доставалось: — Для них же что война, что не война — побегать охота, поиграть. Энергии тратили много, а вот восполнять её особо нечем было. Мёрз-



Во время Второй мировой войны на территории Германии, её союзников и сателлитов, а также на оккупированных территориях действовало, помимо тюрем и гетто, более 14 тысяч концентрационных лагерей и лагерей смерти. Согласно документам Нюрнбергского трибунала в них содержалось 20 млн заключённых из тридцати стран мира. Каждый пятый узник был ребёнком. Около 12 млн пленников погибли.

лая картошка, чёрствый хлеб да кусочек сала по праздникам — вот и вся еда.

Но даже в такой отчаянной ситуации люди находили возможность помогать партизанам продуктами. В дом Галины, расположенный рядом с лесом, они наведывались частенько. И не только они.

Летом 1943 года это было. Зашли в хату неизвестные люди. С оружием, одетые кто во что горазд. И давай рассказывать, что они партизаны из другого района, отбились от своих и теперь ищут связи с нашими отрядами. Мама что-то заподозрила, ответила им как-то уклончиво. Ни да, ни нет. Но переодетым полицаям и этого хватило. Маму-то они пожалели, как-никак трое малолеток на руках. А вот меня арестовали. Отправили в Паричи, посадили в одиночную камеру. На допросах были, но не сильно. Пытались узнать, где расположен партизанский лагерь. А откуда мне знать? Они к нам только за продуктами заходили, мы же к ним ни-ни.

Видать, поняли фашистские прихвостни, что Галя действительно о дислокации партизанского отряда понятия не имела. Режим ослабили, начали водить в город под конвоем на разные работы. А затем девушку переправили в Бобруйск, где погрузили вместе с сотнями таких же несчастных детей и женщин в эшелон, направлявшийся в Германию.

### ДОРОГА СМЕРТИ

Иначе, как дорогой смерти, этот путь Галина Виноградова не называет.

Везли нас в обычных товарных вагонах, в которых войны перевозили скот. В каждый вагон загоняли столько людей, что если удавалось ненадолго присесть, это считалось счастьем. Спали вповалку на голом полу. Кормили редко, лишь на станциях конвоиры забрасывали в вагон куски хлеба. Пить практически не давали, выходить из вагонов даже во время длительных стоянок без разрешения запрещали. Помню, на какой-то станции

девочка-подросток не выдержала и выскочила из вагона вдохнуть свежего воздуха. Так конвоир её прикладом избил и заставил обратно залезть. И вообще, двери вагонов на остановках открывали только для того, чтобы забрать умерших. Куда их тела потом отправляли, не знаю...

В дороге, вспоминает собеседница, женщины между собой говорили о чём угодно, только не о том, что их ждёт на чужбине. И это, считает Галина Константиновна, было самым страшным. Потому что именно с осознания того, что твоё будущее тебе не принадлежит, начинается путь раба. Бесправного и бессловесного раба XX века.

Галине Виноградовой «повезло» — концлагерь, в который она попала, размещался не на территории Польши или Германии, а в Люксембурге. Городок Эш-на-Альцетте (во французской транскрипции Эш-сюр-Альцетте), в окрестностях которого располагался лагерь, был центром сталелитейной промышленности Герцогства Люксембург. Вся экономика которого, как и почти всех стран Центральной и Западной Европы, работала на нужды третьего рейха. Заключённые женского лагеря занимались изготовлением кирпичей.

### НЕДЕТСКИЕ СТРАДАНИЯ

— Это была не работа, а торговля, — говорит Галина Виноградова. — Рабочий день длился 16 часов с одним коротким перерывом на обед. Кормили в основном супом из варёной брюквы с бобами, луком-пореем и практически несъедобным хлебом, в котором совсем не было муки. А вот выловленные в дурно пахнущей жиже под названием «суп» бобы мы умудрялись жевать по несколько часов. Вернее, их кожуру. Положишь её под язык и стараешься подольше не проглатывать. Когда во рту что-то есть, вроде и есть не так хочется.

Выдали и «спецодежду»: тяжёлые, больше похожие на колодки, ботинки с деревянными подошвами и платья из мешковины. Жили в

небольших тесных бараках по двадцать человек, которые не отапливались. В каждом были двухъярусные нары с серым, колючим и жёстким постельным бельём.

Местные жители к заключённым, особенно к тем, у кого, как у меня, на одежде была нашивка «OST», относились очень доброжелательно. Иногда даже еду перебрасывали через колючую проволоку. Хотя это было небезопасно, по ней ведь электрический ток пропускали.

Галина Константиновна честно признаётся: выйти из лагеря живым практически никто не рассчитывал. Из-за непосильного труда смертность среди узников была очень высокой. Умирали от побоев, истощения и даже от тоски.

### СВОБОДА С ОГОВОРКАМИ

— Освободили нас американцы в конце 1944 года. В один из дней утром нас никто не поднял на работу. Вышли из бараков и глазам своим не поверили: ворота открыты, а охраны нет. Первая мысль — скорее на свободу. Но боязно, вдруг немцы провокацию устроили? Они на такие подлости мастера были.

Вдруг видим — по дороге к лагерю грузовики едут. Подумали, что это из «СС» торопятся всех нас уничтожить, чтобы следы своих преступлений замести. Крик поднялся невообразимый, и все в лес бросились. А грузовики остановились, солдаты в непонятной форме оттуда что-то начали кричать и махать звёзднополосатым флагом. А, главное, не стреляли по бегущим.

Мы остановились. А когда выяснилось, что это союзники по антигитлеровской коалиции пожаловали, тут уж радости нашей предела не было. И обнимались, и целовались, и плакали, и смеялись.

Погрузили нас в «Студбекеры» и повезли во Францию, в город Версаль. Там сортиро-

вочный пункт был. Несколько месяцев там продержали. Кормили хорошо, грех жаловаться. Американские офицеры, которые с нами регулярно беседовали, предлагали нам не возвращаться в СССР, остаться в «свободном мире». Да куда там, если из тысячи пара-тройка человек согласилась, то хорошо. Мы же патриотами были.

Погрузили нас в поезд и в нормальных пассажирских вагонах отправили в Берлин. Там уже нас встречали представители советского командования и транспортными самолётами отправляли на границу с СССР. Мы очень радовались освобождению, а потому не обращали особо внимания на то, что советские лётчики к нам относились с каким-то пренебрежением, даже презрением. На границе Польши и Советского Союза нас записали в знакомые уже товарные вагоны и повезли дальше. В дороге, правда, и кормили, и гулять разрешали.

Когда в Шатилки прибыла, я вышла на станции, глянула в сторону своего дома, и сердце оборвалось — дома не было. Пришла на нашу улицу и стою в растерянности. Куда податься, где родных искать? Да и живы ли они? Хорошо соседки наши, семья Максимовичей, приютили. И рассказали, что дом наш разбомбили, мама с двумя младшенькими в Речицу переехала. Хотела сразу же туда рвануть, да кто ж меня без паспорта пустит? Пришлось ехать в Паричи, в отделение милиции. Там меня подробно обо всём расспросили и сказали ждать месяц. Когда уже из отделения выходила, милиционер, который меня допрашивал, догнал и посоветовал поменьше болтать о том, откуда я вернулась. И намекнул, что лучше от греха подальше вообще уехать куда-нибудь. Страна-то, подмигнул, большая.

Со своими родными Галина Виноградова встретила спустя несколько месяцев после возвращения. Но с семьёй пробыла недолго. В 1948 году, последовав мудрому совету паричского милиционера, Галина Константиновна уехала в далёкий Владивосток. Там и прожила более полувека, на первых порах даже мужу не рассказывая о том, что не по своей воле была за границей. И только в 70-х годах, когда бывшие узники нацистских лагерей в СССР наконец-то приобрели официальный статус, смогла наконец-то без опаски за себя и родных поведать о пережитом.

Р.С. 95-летнюю Галину Виноградову и ещё десять бывших узников нацизма накануне памятной даты посетили представители Советской районной организации РОО «Белая Русь», вручили продуктовые наборы и медицинские маски.